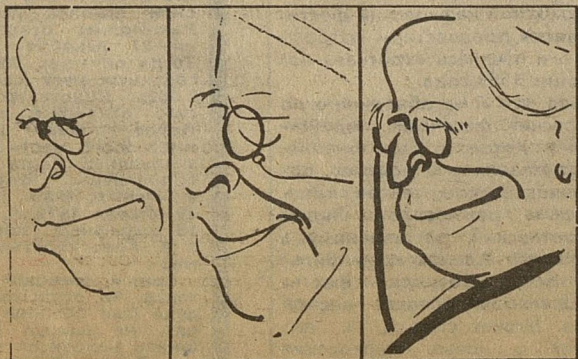

Ливанов

Про Марию Осиповну Кнебель — педагога обязаны написать ее ученики — режиссеры. Их много, и каждый, кто талантлив, пользуется тем, что получил от Марии Осиповны.

Следует задуматься, из чего состоит ее особый щедрый художественный дар. Ответ можно найти в ее книгах, даже тех, где она просто вспоминает о людях, не рассуждая о своих педагогических секретах. Дело, мне кажется, в том, как Мария Осиповна смотрела на человека и что умела в нем видеть. Смотрела очень внимательно, всегда добывая до самой сути, умела видеть главное и отделять это от наносного, от шелухи. И если это главное содержало в себе хоть крупицу созидательного начала, под взглядом Марии Осиповны творческое существо человека расцветало, раскрывало свой смысл.

Поэтому в театре она совершенно искренне считала себя ученицей в равной мере Станиславского, Немировича-Данченко и Михаила Чехова, а в живописи, прекрасно ее зная, одинаково восхищалась такими разными художниками, как Федотов и Шагал.

Ее не отпугивало различие людских характеров, художественных стилей, напротив — интересовало и увлекало. Она любила жизнь в ее многообразии и противоречиях. И человеческий характер, будь то характер ученика или персонажа в пьесе, она с увлечением разглядывала в его противоречивой целостности. Поэтому Марию Осиповну невозможно было затащить в какую-либо «группировку» или навязать ей односторонний подход к сложному явлению.

Рассказывали, что Немирович-Данченко экзаменовал Ливанова в то время, когда МХАТ был в Америке. Преодолев волнение, отсутствие партнеров, внимательный взгляд экзаменатора, Ливанов сыграл с начала до конца роль Чацкого. Владимир Иванович решил не упускать актера с такими данными и зачислил его в труппу Музыкальной студии при МХАТе.

Станиславский увидел Ливанова впервые в роли Шаховского. Будущее молодого актера было решено — он один из тех, кого необходимо растить.

Думая сейчас о количестве ролей, на которые назначался Ливанов, понимаешь, что внутри каждого спектакля был кто-то, кто брал на себя негласную ответственность за творческое становление молодого актера. Помогать ему было нелегко. Слишком независимый характер. Он до всего стремился добираться самостоятельно. Подчиняться? Нет, этого он не хотел и не умел.

Мария КНЕБЕЛЬ

В 1926 году он был назначен сразу на три роли — Аполлоса в «Унтиловске» Л. Леонова, Емельяна Черномозгового в водевиле В. Катаева «Квадратура круга» и Кассио в «Отелло».

«Унтиловск» ставил В. Г. Сахновский. Руководил постановкой К. С. Станиславский, художником был Н. П. Крымов. Российская глухомань, заснеженные дороги, странные люди, куда-то рвущиеся, сохранившие силу неистраченных чувств. А эти чувства смутные, у одних низменные, зоологические, у других — возвышенные... Москвин — Черваков привлекал энергией мышления, сложным сплавом трагического одиночества и волей к разрушению, Лужский — Манюкин, Васка — Шевченко, Раиса — Соколова, Добродрава — Редкозубов — все эти характеры были крупными актерскими достижениями. Но, может быть, самым ярким, нелепым и неожиданным среди них был Аполлос — Ливанов. «Земноводная личность, всегда живет» — таким увидел своего героя автор, и артист пошел за ним. Для того чтобы вжиться в образы, рожденные фантазией Леонова, нужно особое дарование. Ливанову, вероятно, помогла способность к яркой характерности. Его Аполлос был во всем гиперболическим, невероятным — нерасчесанные волосы, закрывающие лоб, маленькие заплывшие глазки, которые с жадностью вглядывались во все углы. Он постоянно голоден, этот большой, грузный парень. Тесноватый сюртук, коротковатые рукава, из-под которых большие руки тянутся к еде, — таким он запомнился около обильного стола у Редкозубова. Ливанов был абсолютно поглощен едой и самозабвенно тащил со стола рыбу, студень, грибки... Жужа, он размышлял. Нелепая ограниченность ума этого Аполлоса угадана Леоновым. Но Ливанов вкладывал в текст энергию жадно жующего человека. Подойдя к окну, он говорил: «Снег идет, не обильно, но идет. Комсомольцы на лыжах едут. Все едут. А куда едут — неизвестно», — и опять тянулся к еде. Прогледев новую порцию, он неожиданно изрекал: «Ух, так я поддал бы ногой кошку, попадись мне кошка». И вновь еда, нелепые соображения, нелепые желания, обрывки странных мыслей. Человеческая глухомань.

Творчество Ливанова, вобрав в себя опыт стариков, неуловимо отличалось от них. Он был современным актером, ярчайшим представителем нового поколения. Думаю, этим он и пленил Станиславского. Станиславский ценил Леонова и отдал «Унтиловску» много сил и времени. Ливанов был одним из тех, кто очень радовал его в этом спектакле.

Скромный водевил «Квадратура круга» имел невероятный успех. Сверкающий юмор, непосредственность позволили молодым актерам, почти ученикам, вызывать гомерический смех в зале и искреннее сочувствие к симпатичным обитателям студенческого общежития.

А потом, с благословения Станиславского, Ливанов получил роль Кассио в шекспировском спектакле, постановка которого оказалась поистине трагичной. В сезон 1926/27 года К. С. Станиславский, взяв выпуск спектакля на себя, назначил И. Я. Судакова режиссером и А. Я. Головина — художником. Вскоре Константин Сергеевич заболел, врачи настояли на

длительном отдыхе. Надеясь на скорое выздоровление, Константин Сергеевич поручил Судакову начинать репетиции — к его возвращению пьеса должна быть «размята». Болезнь, отсутствие Станиславского (он жил в Ницце) затянулись надолго. Из его писем к Леонидову мы знаем, как он стремился к живым репетициям, как пришел к мысли писать режиссерский план «Отелло», как волновался, работая на расстоянии, без живой связи с актерами.

Только в 1930 году Константин Сергеевич вернулся. Ему были показаны 3-й, 4-й и 5-й акты «Отелло». Предполагалось, что я буду играть одну из служанок Эмилии — это дало мне возможность присутствовать на незабываемом прогоне.

Леонидов был в обычном пиджаке, без каких-либо театральных аксессуаров. Как только он заговорил, все присутствующие были захвачены силой его чувства. Потрясала душа, незащищенная против пошлости,

Буйный

не вмещающая мысли об измене. Сердце Отелло буквально кровоточило от боли. Мы уходили с репетиции молча, глубоко потрясенные человеческой трагедией, разыгравшейся сейчас на наших глазах. Не меньше нас был потрясен и Станиславский. Я записала его слова, обращенные к Леонидову: «Я видел Отелло — Сальвини, видел других мировых знаменитостей в этой роли, но я ни разу не видел такого глубокого, человеческого, простого и искреннего, до дна правдивого раскрытия образа. Поздравляю вас, Леонид Мирович, вы превзошли Сальвини, превзошли всех».

Борис Ливанов не был учеником Леонидова, но он учился у него, репетируя рядом с ним роль Кассио. Этот Кассио был красив, грубоват, любил поест, выпить, мог и поскандалить, но знал воинский долг и подчинялся ему. Привязанность к нему полководца Отелло была понятна. Он вырос из себя настоящего воина — именно воина играл Ливанов.

Понятна была и вспыхнувшая ревность Отелло — к такому Кассио трудно было не ревновать. Следует отметить, что Ливанов создавал своего Кассио, борясь с Судаковым. Поддерживал его представление о роли Качалов. Качалов и Леонидов опекали, учили Ливанова, на чем-то настаивали, каждый по-своему. Ливанов не подчинялся никому, но брал от великих стариков драгоценные для себя крупинки.

Станиславский принял Кассио таким, каким его задумал и создал Ливанов.

Зрители не увидели Леонидова в роли Отелло на таком подъеме, на котором имели счастье видеть его мы на прогоне. Должно быть, роль требовала слишком много нервной силы, а подменить переживания зафиксированным рисунком Леонидов не хотел и не умел. В этом заключалась его огромная сила, но в этом же таилась и трагедия. «Отелло» шел недолго. Зрители оценили великолепные декорации Головина, блестящую игру Синицына — Яго и, все, как один, влюблялись в Кассио — Ливанова...

После неудачи с «Отелло» театр принял к постановке «Страх» А. Афиногенова.

Леонидову была предложена роль старого профессора Бородина, Ливанову — молодого ученого казаха Кимбаева. Они снова встретились в общей работе.

Интересно, что роль профессора Бородина, позже ставшая одной из значительных побед Леонидова, вначале настолько не понравилась ему, что он решительно от нее отказался. Понадобился авторитет Станиславского, чтобы убедить Леонид Мировича начать работать. Леонидов уговаривал Станиславский, а кто уверит Ливанова, что Кимбаев — хорошая роль?

Афиногенова привел в театр П. А. Марков. Он же и убеждал Ливанова, что казах Кимбаев — «пулелая» роль. Ливанов возмущался, он решил добиться от драматурга коренных переделок. Афиногенов, как ни странно, не только не обиделся, но увлекся фантазией Ливанова и охотно пошел за ним, принялся сочинять на каждой репетиции все новые и новые реплики Кимбаеву. Ливанов, по выражению Качалова, рожал человека, и этот человек требовал слов, действий, чувств. Слова Ливанов выуживал у Афиногенова.

Сегодня многим не хватает ее мудрой опеки, ее доброго, но требовательного слова.

Под влиянием хаоса сегодняшней жизни люди поворачиваются друг к другу худшими своими сторонами. Во многом отсюда — развал и разобщенность среди людей театра. Вспоминая Марию Осиповну, я думаю о том, как много может сделать один человек, если он, будучи окружен разрухой, находит в себе силы противостоять ей.

Сейчас в «Искусстве» выходит 2-е дополненное издание книги М. О. Кнебель «Вся жизнь». Главу из нее мы предлагаем читателям.

Наталья КРЫМОВА.

нова, упрекал его в том, что он не придумал Кимбаеву интересных действий, ну а за чувства отвечал сам, как актер.

Перед выпуском спектакля Судяков показывал его Станиславскому у него дома в Леонтьевском переулке. Константин Сергеевич был в восторге от Леонидова, не только хвалил его, но и благодарил. Хвалил за крупность понимания, простоту выражения и силу чувств. Они любили друг друга — Станиславский и Леонидов...

Хвалил Станиславский и Ливанова. Его пленила острота характерности, которой Борис Николаевич овладел в совершенстве. Леонидов и Ливанов уходили из Леонтьевского переулка гордые и счастливые. А на следующий день в актерском буфете Леонид Митронович громко, со смехом приветствовал Ливанова: «Жулик! Жулик!»

Дело в том, что Леонидова беспокоило, что Ким-

Наверное, Ливанова задело, что «Гран-при» в Париже был присужден Хмелеву за исполнение ролей Каренина и Скроботова. Но зрительский успех перекрывал французскую премию. Ливанов и по Парижу ходил победителем.

Следующей его работой стал Соленый в «Трех сестрах». О каждом из исполнителей этого спектакля существует большая литература. Спектакль поража ансамблем ярких индивидуальностей, подчиненных единой режиссерской воле. Кто лучше, кто ярче, кто неожиданнее? Наивные вопросы — хороши были все.

По сохранившимся стенограммам репетиций видно, что Немирович верил в Соленого—Ливанова. Но что в этой работе все-таки беспокоило его. Однажды он попросил Ливанова нарисовать Соленого. Посмотрев, успокоился. Это характерно и для Немировича, и для данного спектакля, и для функции данной роли в спектакле. Дело в том, что любой выход Ливанова — Соленого вносил на сцену контрастную атмосферу, и это придавало особое напряжение развитию действия.

Ливанов настолько вжился в роль, что казалось — это говорит, ходит какой-то новый, странный Ливанов. Он был чуть-чуть загримирован под Лермонтова — это казалось естественным, по странной прихоти природы он был действительно похож на погибшего великого поэта. Чехов — мастер острейших парадоксов, но это его мастерство скрыто и вовсе не требует гротескового выявления на сцене. Я бы сказала, что Ливанов в роли Соленого овладел искусством внутреннего гротеска. Некая гримаса жизни отразилась на его облике, поведении и конечном диком поступке.

Я очень любила сцену объяснения Тузенбаха с Соленым во время ожидания ряженых. Ливанов сидел в мрачном одиночестве. Хмелев — Тузенбах, открытый, дружелюбный, предлагал ему выпить рюмку коньяка. Ливанов отзывался не сразу — он внимательно всматривался в Хмелева, потом внезапно оттаивал и признавался, что часто говорит вздор от застенчивости. Ливанов произносил эти чеховские слова с такой степенью искренности, что возникала боль за человека, который выдумал самого себя, а теперь приносит себе и окружающим только горе.

Ливанов...

баев-казах у Ливанова «уж очень русский», он много раз Ливанову об этом говорил. А Ливанов помалкивал. Он втихую упорно работал над национальной характерностью — дома проходил роль с казахом. Он помалкивал до тех пор, пока полностью не овладел акцентом и пластикой, и лишь на показе Станиславскому с блеском продемонстрировал все это.

Личность Леонидова сыграла в жизни Ливанова огромную роль. Он не только любил его, но старался, как умел, подражать великому трагику. А влияние Качалова! Можно быть уверенным — дарование Ливанова не смогло бы так бурно и счастливо развиваться, если бы семья Качаловых не приняла бы его к себе как родного. Каждая его роль горячо обсуждалась в качаловском доме. Нина Николаевна Литовцева — по натуре вспыльчивая, резкая — часто безжалостно критиковала Ливанова. Он обижался, грубил, уходил. Но как только он возвращался, ссоры как не бывало — Нина Николаевна встречала его самым радужным образом. Василий Иванович был откровенен с молодым Ливановым, верил ему, советовался с ним. В качаловской семье любили и ценили юмор — Ливанов тут умел развеселить всех. Но он не только веселил, с ним интересно было говорить о поэзии, живописи, литературе.

В 1934 году Ливанов с блеском сыграл Ноздрева в «Мертвых душах». Андровская хорошо пошутила, что в этой роли он был похож на одного из щенков, которых Ноздрев навязывает Чичикову. В том же году он сыграл Кудряша в «Грозе». Немирович-Данченко щедро хвалил его и Андровскую — Варвару. Их удачу признавали все — и коллектив театра, и пресса. Ливанов ходил счастливый, в нем все пело и играло от избытка сил и оттого, что его талант все признают.

В 1936 году В. И. Немирович-Данченко поставил «Любовь Яровую» К. А. Тренева. Там Ливанов одержал еще одну победу — в роли Шванди. Даже когда в Париже мхатовские спектакли попали в белоэмигрантское окружение и публика резко разделилась, ливановского Швандю принимали все, безоговорочно.

Весельчак, красивый, находчивый, этот морячок умело выкручивался из любого положения. Тренев дал Шванде возможность побывать в экстремальных ситуациях. Швандя под носом белых выносит оружие, будучи приговорен к расстрелу, обводит вокруг пальца конвоира и скрывается, освобождает арестованную Любовь Яровую... Когда гибель кого-либо кажется неизбежной, появляется весельчак Швандя и — побеждает! Будь исполнение Ливанова не столь достоверным, авторский замысел казался бы нарочитым. Но Борису Ливанову верили все. Он побеждал любую аудиторию. Даже скептически настроенные зрители театра на Елисейских полях смеялись, принимая в Шванде — Ливанове талантливого русского парня, способного перехитрить любого умника, любого коварного интеллигента. А балкон и ярусы парижского театра гремели от восхищенных криков и восторженного топота ног. Каждая фраза Шванди «о мировом масштабе», с высоты которого следует решать все вопросы, вызвала восторженный шквал аплодисментов.

Когда Соленый лил себе на руки духи, Ливанов лишь в точности выполнял чеховские ремарки, но почему-то казалось, что с первого появления его преследует какой-то запах, который он пытается заглушить. Запах преследует его и во время именин Ирины, и тогда, когда он объясняется ей в любви, и во время пожара, когда всем кажется, что все пропало гарью, и, наконец, перед роковой дуэлью.

В пьесе нет сцены прощания Соленого с домом, но ливановскому Соленому это прощание было необходимо. Никогда не забуду (да и кто это забудет?!), как Ливанов снимал фуражку и несколько секунд не отрывал глаз от окон. Потом наклонял голову — не то благодаря, не то признавая свою вину... Ах, какой это был спектакль! И Ливанов в нем играл, без преувеличения, гениально!

А потом Немирович-Данченко решил ставить «Гамлета»... Кто будет играть главную роль? Возможно, Немирович советовался с Сахновским, чью культуру высоко ценил, но для всех будущих исполнителей участие их в «Гамлете» было тайной. Многие мечтали о Гамлете. Среди них — Хмелев.

Решение Немировича-Данченко было неожиданным: Гамлет — Ливанов.

Хмелев замкнулся, Ливанов был счастлив. Почему Немирович-Данченко выбрал Ливанова? Эта мысль интересовала многих, а меня она интересует и поныне.

Вообще Владимир Иванович с поразительной точностью оценивал данные актера, способного воплотить его замысел. Каким же виделся Немировичу Гамлет? Ответ я нашла в стенограммах, хранящихся в музее МХАТа: «Я Гамлета представляю необыкновенно жизнерадостным. Нигде это не проявляется в смысле действия, но это такая великолепная жизнерадостная фигура, которая так потрясена гадостью жизни...» От максимального жизнелюбия — к трагическому потрясению. Вот какой путь намечал Немирович актеру. Работа над «Гамлетом» не была доведена до конца. Война спутала все планы театра.

Уезжая в эвакуацию и поручая мне «Кремлевские куранты» Н. Погодина, Немирович предложил только одну актерскую замену: вместо Тарханова — Хмелев. Об остальном мы с Сахновским додумывались уже сами. Как я уже говорила, Боголюбов, первоначально назначенный на роль Рыбакова, был отозван на важные киносъемки. Мы решили: значит, будет Ливанов. Владимир Иванович боялся, что Ливанов будет пользоваться красками Шванди. Оказалось, что Ливанов знал это. С первых же репетиций он сам себе объявил войну против Шванди, за Рыбакова, и мы стали свидетелями того, как у требовательного к себе актера роль, образ рождаются действительно так, как в жизни рождается человек.

Я знала, что Ливанов труден в работе, но сама, честно признаюсь, этого не почувствовала. Он был, как веселый котенок, который, не успев проснуться, начинает играть. Творческая отдача, озорство поисков, страсть к самому процессу творчества, умение радоваться ему — что может быть привлекательнее для режиссера в актерской природе?

В Рыбакове Ливанов талантливо ощутил человека, пришедшего к культуре снизу, впервые открывающе-

го для себя и «Героя нашего времени», и мечту об электрификации. Прелесть этого характера проявлялась в его удивительно органичном жизнеутверждении. Он был молод, влюблен, безгранично верил в Ленина, в молодую республику, жил с аппетитом, с азартом учился; ему хотелось дорасти до Маши, которая казалась ему верхом совершенства. Я любила в спектакле словесный поединок между ним и Хмелевым — Забелиным. Хмелевскому насмешливому, умному и немного печальному взгляду Ливанов — Рыбаков противопоставлял свой — ясный, спокойный и чуть удивленный. Он рассматривал Забелина, словно обдумывая, как бы помочь этому безнадежно запутавшемуся интеллигенту.

От двух картин пьесы нам пришлось отказаться — на маленькой сцене Саратовского тюза они не поместились. Таким образом, у Ливанова сокращалась роль. На одной из репетиций Ливанов предложил: «Маша, давай сочиним сцену, в которой Рыбаков отправляется на фронт».

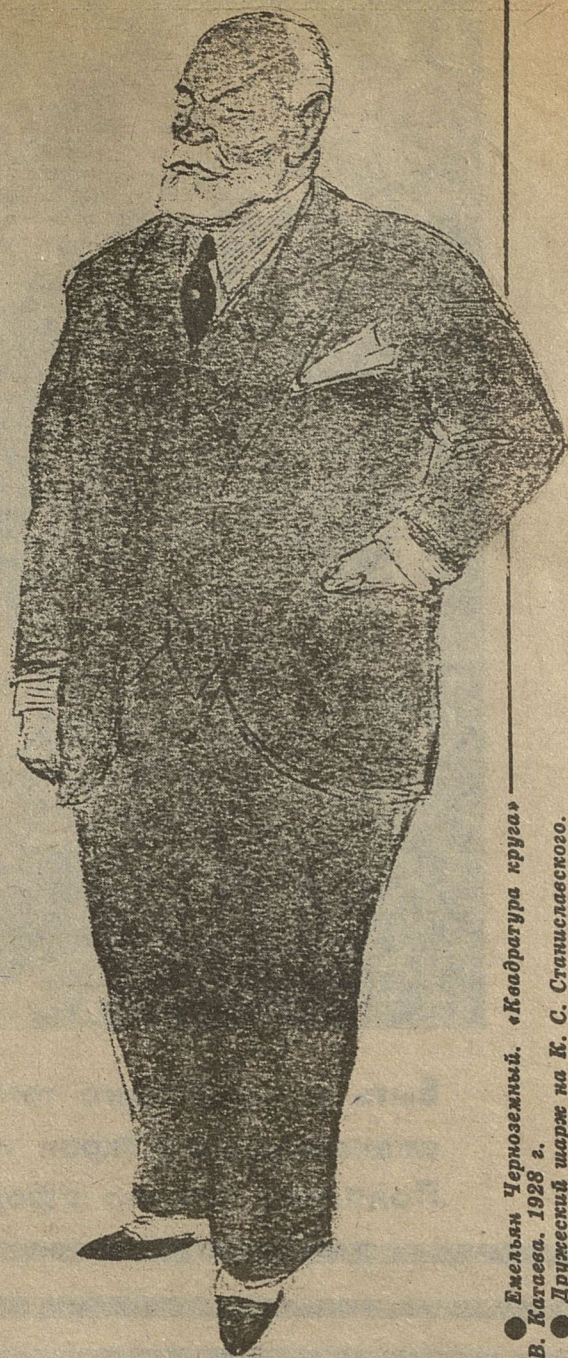
Погодин был в Ташкенте, Немирович-Данченко в Тбилиси, но энтузиазм Ливанова заразил меня, и мы принялись сочинять. Ливанов и Пилявская — Маша сыграли эту, а я следила за тем, что из импровизированного текста можно прибавить к погодинскому. Решили сохранить место действия: «У памятника Гоголю». В этюде Ливанов запел — мне это понравилось, я связалась с Арамом Хачатуряном, и он написал для спектакля превосходную песню: «Море балтийское, волны могучие...» Ливанов был счастлив.

В эвакуации я узнала нового Ливанова. Началось с того, что однажды я поздно вернулась после спектакля и Борис Николаевич попросил, чтобы я сразу поднялась к нему. Мы жили в одной гостинице, на разных этажах. Я — с сестрой и мамой, он — с женой, Евгенией Казимировной. Оказалось, что Ливанов вскипятил на электроплитке чайник специально для меня.

— Борис, спасибо, у нас есть плитка.
— Я знаю. Но твоя мать больна, вам нужен кипяток не только для чая, а для укрова, для стирки.

С этого вечера началась наша настоящая дружба. Я узнала новую Евгению Казимировну, нового Бориса Николаевича, поняла, как глубоко и преданно они любят друг друга и своих детей. Поняла, почему Булгаков в «Тевтральном романе» вывел Ливанова под именем Петра Бомбардова. Поняла дружбу Бориса Ливанова с Пастернаком, с Виктором Шкловским...

Как много прекрасных черт характера, удивительных порывов таилось в душе «буйного» Ливанова!

Владимир Иванович Немирович-Данченко. «Квадратура круга» В. Катаева, 1928 г. Дружеский шарж на К. С. Станиславского. Б. И. Немирович-Данченко.